

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 104–140.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 104–140.

Научная статья / Original article

УДК 94(478)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-104-140

ПРОКСИ-НАЦИОНАЛИЗМ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В СССР

Модест Алексеевич Колеров
Информационное агентство REGNUM,
Москва, Россия, kolerovm@gmail.com

Аннотация. Русский социализм, к началу XX века почти полностью перешедший на марксистский язык описания социальной реальности независимо от его, социализма, политических вариантов, воспринял вместе с языком описания и основные схемы предполагаемого решения национального вопроса. Образцом для революционного преобразования наследия многонациональной Российской империи стала аутентичная часть лидирующей на рубеже XIX–XX веков немецкой (германской и австрийской), марксистской социал-демократии — социал-демократия Австро-Венгрии. Логично, что образцом для исследования и практики модельного решения национального вопроса стал

Публикация включает ряд положений, заимствованных из следующих статей: Колеров М. А. Национализм и социализм в перспективе освободительного движения в России // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 1 (13). М.: Модест Колеров, 2020. С. 5–14; *Его же.* Украинский вопрос и современная Россия. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/3526766.html> (дата обращения: 29.08.2022). — *Примеч. ред.*

© Колеров М. А., 2022

опыт многонациональной, со второй половины XIX века — дуалистической, дуоцентричной Австро-Венгрии. В этом контексте роль второго центра будущей революционной и Советской России осознанно отводилась Украине.

Ключевые слова: украинский вопрос, социалистическое движение в России, западные образцы обсуждения национального вопроса, принципы советского национального строительства

Ссылка для цитирования: Колеров М. А. Прокси-национализм русского социализма и украинский вопрос в СССР // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 104–140.

<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-104-140>.

Literature. Philosophy. Religion

PROXY-NATIONALISM OF RUSSIAN SOCIALISM
AND THE UKRANIAN QUESTION IN THE USSR

Modest A. Kolerov

The REGNUM News Agency,
Moscow, Russia, kolerovm@gmail.com

Abstract. Russian socialism, which by the beginning of the 20th century had almost completely switched to the Marxist language of describing social reality, regardless of its political options, socialism, took along with the language of description the basic schemes of the proposed solution to the national question. The model for the revolutionary transformation of the legacy of the multinational Russian Empire was the authentic part of the German (German and Austrian), Marxist social democracy that was leading at the turn of the 19th–20th centuries — the Social Democracy of Austria-Hungary. It is logical that the experience of multinational, since the second half of the 19th century — dualistic, duocentric Austria-Hungary, has become a model for the study and practice of a model solution of the national question. In this context, the role of the second center of the future revolutionary and Soviet Russia was consciously assigned to Ukraine.

Keywords: Ukrainian question, socialist movement in Russia, Western models of discussion of the national question, principles of Soviet nation-building

For citation: Kolerov, M.A. (2022) 'Proxy-nationalism of Russian Socialism and the Ukrainian Question in the USSR', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 104–140. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-104-140.

Они поставили во главе своей политики так называемое *право самоопределения народов* или то, что в действительности скрывалось под этой фразой: государственный распад России.

Роза Люксембург, 1918

Национальная сложность России/СССР и практический социализм

Нет никакого сомнения в том факте, что генетически и исторически Россия и Украина принадлежат к единому корню, единой ойкумене — Руси. Этого не мог игнорировать даже крупнейший теоретик украинского национализма М. С. Грушевский, изобретя для своих нужд специальное имя «Украина — Русь». Такое искусственное и контрфактическое присвоение имени увенчалось в сталинской советской историографии актом тотальной монополизации наследия Руси в пользу вымышленной в XIX веке «Киевской Руси»¹. Русь, Историческая Россия равно объединяют четыре восточнославянских народа: русских (в прежние времена — великороссов), украинцев

¹ История конструирования понятия «Киевская Русь» справочно-энциклопедически хорошо известна. Чтобы оценить тотальность его навязывания в СССР, достаточно обратиться к просветительским источникам, призванным интегрировать историю территорий, только что присоединенных Сталиным к СССР (и именно к Украинской ССР в его составе) в 1939–1945 годах под именем «Западной Украины», — Закарпатье, Галичины, Буковины, Южной Бессарабии и др. Исследователь прямо рисовал в оглавлении своего труда те источники традиционной исторической географии, из которых он же принудительно конструировал «Западную Украину»: «Феодальная Русь XI–XIII веков; Литовско-русское государство XIII–XVI веков; Галиция XV–XVIII веков» [Безсонов, 1946]. Он же формулировал ее субъектность «с древнейших времен» [там же, с. 5–7], ставя знак равенства между ней и Галицкой землей [там же, с. 9], как частью мифического «Киевского государства» [там же, с. 6, 10, 26]. С другой стороны, в хронологии после конца XIV века, но в границах сталинского УССР, автор прямо присоединял к этому континенту этнически окрашенную «Украинскую Сечь» [там же, с. 28], первопечатников Франциска Скорину и Ивана Федорова [там же, с. 30], фрески Львова XIV–XV веков [там же, с. 46, 48, 77, 88]. См. также пример тотальной замены буквально всей истории русинского этноса в Закарпатье вымышленными псевдоэтническими понятиями «закарпатцы», «закарпатские украинцы» и безоговорочное утверждение заведомо ложной схемы, применяемой к древности начиная с XI века: «Закарпатцы одного рода и племени со всем украинским народом» [Советское Закарпатье ... , 1957, с. 23–25, 27, 28].

(малороссов), белорусов и русинов. Их *общее* древнейшее историческое, еще летописное, имя — *руские* (от *Русь*, с одним *с*). Их многократно зафиксированная в опросах, переписях, свидетельствах доминирующая идентичность еще сто лет назад основывалась на признании единого культурно-исторического корня *русских*. И это было выбором и утверждением единства на основе общей истории, языка, веры, культуры. Именно на этом доминирующем фоне развивались кабинетные, журнальные, интеллигентские упражнения в этнографии² по изобретению новых национальных языков и, исходя из нормы рубежа XIX–XX веков о том, что язык равен национальности, — титульных национальностей. Такой подход прямо диктовал легитимацию *этнического* национализма сразу после наделения его правом на этническую государственность.

При этом *политический* национализм (то есть патриотизм всех жителей суверенного государства, независимо от их национальностей, и политическое единство его народа) в евро-атлантическом мире стал главным результатом борьбы Северо-Американских Соединенных Штатов за независимость от Британской империи и Французской революции (в СССР традиционно называвшейся Великой) в конце XVIII века. Его продолжениями и превращениями в XIX веке стали большие общенациональные (но разноплеменные) движения за объединение Германии и Италии, национально-освободительные (уже не общенациональные, а этнические) движения народов внутри Австрийской империи и т. п.

Современная интернациональная наука давно выработала в целом единый взгляд на феномен империй. Его я определил бы кратко как *гетерогенное, сложное, многоуровневое государственное единство*. Именно это *единство из множества* (в традиционной официальной риторике США звучащее в латинском лозунге *Ex pluribus unum*) в националистической современности XIX–XXI веков служит идейной основой, как кажется носителю государственной имперской воли, для создания среди составных элементов империи особых управляемых национальных проектов, одним из примеров которых является Украина. Носителю воли этот проект представляется *обнаружением* (созданием устойчивой) *сложности, укрепляющей* империю, а на деле он превращается именно в *создание сложности*, в определенный момент ослабляющей государственную мощь и волю, становящейся фактором *разрушения* империи через ее *фрагментацию, упрощение и расчленение*.

² Наиболее разрушительными плоды конструирования узкой этничности внутри большого национального тела оказались именно для самих русских. Их вычленение и расчленение начали сами русские писатели [Лескинен, 2016].

Американский историк-русист, исследуя модерную современность, цитирует в качестве общего мнения науки интегральное (критическое) описание империй и (почти апологетическое, но с весьма критическими оговорками) национализма в таком виде:

Империи — это крупные политические образования, нацеленные на экспансию, либо хранящие память о территориальной экспансии, это государственные образования, которые практикуют принципы различия и иерархии в процессе инкорпорации нового населения. В основе национального государства, напротив, лежит идея единого народа, живущего на единой территории и мыслящего себя как особое политическое сообщество <...> национальное государство стремится к гомогенизации населения внутри его границ и к исключению (каким именно образом? — М. К.) всех, кто не вписывается в этот проект, тогда как империя захватывает и включает...

[Шевеленко, 2017, с. 19–20]

В этом историографическом контексте становится особенно ясно, что Российская империя во взаимном противоборстве великих держав — *континентальных* (то есть не колониальных) империй (Османской, Российской, Австро-Венгерской) — вместе с ее конкурентами стала объектом атаки разрушительных этнических национализмов, которыми управляли конкурирующие *колониальные* империи — Британская и Французская. Именно эти последние сделали своим острым оружием лозунг *национальных государств*, которые строились как зависимые от них разрушители противостоящих империй: эти проекты я полагаю возможным именовать как *прокси-национализм*, то есть *этнический национализм, которому отводится роль строительства национальных государств под контролем господствующей (в мире, на континенте, в империи) силы*. Он стал инструментом глобализации в начале XX века, лозунгом разрушения многонациональных империй — Австро-Венгрии, Российской, Османской, главным содержанием национального строительства в соответствии с провозглашенными в январе 1918 года империалистическими «14 пунктами» президента США В. Вильсона и большевистской «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (целью которой была мировая революция, политически управляющая революционными народами и их национальными государствами). Именно *прокси-национализм* коммунизма в России стал на многие десятилетия инструментом мировой революции, послевоенного мироустройства после 1945 года, антиколониальной мировой революции после 1960 года и дальнейшей политики СССР. Этот опыт непосред-

ственно вырос из опыта XIX века, когда идейно расцвел этнический национализм, а царская Россия и Османская империя стали главными объектами готовящегося Западом многонационального расчленения. Именно его стремились реализовать в России русские революционеры, чтобы затем распространить на весь мир, сделав стержнем, принципом «сборки» мировой этнонационалистической мозаики³. Известная доктрина Ленина и Сталина о «социализме в одной стране», как протекционистское отступление от практики немедленной мировой революции Ленина и Троцкого⁴, была лишь тактической задержкой для консолидации революционного ядра в лице Советской России и никогда не становилась актом отказа Сталина от перспективы мировой революции вплоть до его смерти. Напротив, именно Сталин с конца 1918 года (статья «С Востока свет») и особенно в 1920-е годы практически поднимал и поддерживал борьбу за Красный Восток (и его центр в Китае), а в 1940-е — коммунизировал Восточную Европу и Балканы после Великой Отечественной войны.

В первом разделе Конституции СССР 1924 года, повторяющей Декларацию о создании СССР 1922 года, прямо указывалась конституционная перспектива Мировой ССР (снятая в 1936 году). Примечательно, что в самый момент учреждения СССР 31 декабря 1922 года в записках «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» Ленин писал именно в духе подчинения практики государственного строительства СССР мировой национальной мозаике и допускал возможность «оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом» [Ленин, 1958–1965, т. 45, с. 361–362]⁵.

Национально-государственная политика Российской империи была сложна, многоуровневая и разнообразна и этим могла практически и доктринально послужить большевикам⁶, ибо содержала в себе яркие примеры и богатейший институциональный опыт создания особых этнических территорий в составе России (Польши, Финляндии, немецкого Остзейского края) и

³ О взрывном разнообразии локальных, этнических национализмов, претендовавших на независимое государственное строительство, см.: [Культуры патриотизма ... , 2020].

⁴ См. об этом подробно: [Колеров, 2017, Социализм в одной стране ... ; Колеров, 2017, Сталин: от Фихте к Берия ...].

⁵ Известный западный советолог А. Авторханов, лично прошедший в СССР до Великой Отечественной войны школу советской номенклатуры, а в ходе и после нее — гитлеровского коллаборационизма и западных спецслужб, даже вынес эту фразу Ленина в эпиграф своей осознанно и практически мотивированной (во имя разрушения) пропагандистской книги о национальной политике в СССР. Однако он всем текстом эпиграф проигнорировал, упорно доказывая противоположное, что советская национальная политика, включая «коренизацию» союзных и других республик, была подчинена не созданию титульных национальностей, а мифической русификаторской колониальной империи СССР [Авторханов, 1990].

⁶ Это заметил внимательный исследователь советского территориального строительства В. Н. Круглов. См.: [Круглов, 2018, с. 116].

управления ими. Но нельзя сказать, что именно эта мозаичность радикально повлияла на национальный проект большевиков. Они лишь, в противоречии со своей пролетарской идеологией признав национальную независимость именно *буржуазных* Финляндии и Польши⁷, неудачно попытались их завоевать в ходе новых революционных войн (повторения французских)⁸, но потерпели поражение.

Националистическое разрушение империи послужило русским революционерам точкой консенсуса с западными (властными и революционными) противниками русского царизма и царской России. Компромиссной, переходной формулой этнонационалистического расчленения служила реальная венгеро-немецкая дуалистическая монархия Австро-Венгерской империи⁹, внутри которой вызревали чешское, словацкое¹⁰, австрийское, венгерское национальные государства, а потенциальное русинское — как часть русского народа — подавлялось и геноцидно истреблялось. Внутри нее создавались и комплектовались польские и украинские национальные кадры. Нет сомнения и давно описано в интернациональной историографии, что украинский проект названного свойства имел своей задачей не только смену идентичности русинского народа, переформатирования Галиции (Галичины), но и подготовку германского аншлюса российской имперской этнографической Малороссии с превращением ее в протекторат «Украина».

Австрийская дуалистическая монархия, политически выращивая в своей Галиции из русинов (по самоназванию «русских») отдельное от еще слабо дифференцированного восточнославянского, «русского» массива — укра-

⁷ Как известно, за это в 1918 году уже правящих в России Ленина и Троцкого критиковала Роза Люксембург, и большевикам, по сути, было буквально нечего на это ответить. Посвятив всем аспектам ее критики специальное издание антикритики ее подруги Клары Цеткин, выходящая коммунистическая пропаганда СССР по национально-буржуазному вопросу о признании независимости буржуазных Украины и Финляндии не смогла ничего ответить, лишь беспомощно изложив принципиальные претензии Люксембург. См.: [Цеткин, 1924, с. 23–25; Люксембург, 1924].

⁸ О том, что именно французские революционные войны послужили образцом для Ленина, см.: [Колеров, 2017, Сталин: от Фихте к Берия ... , с. 526–527].

⁹ Даже солидный исследователь Дж. Санборн, но в данном случае в своем довольно поверхностном труде, демонстративно игнорируя широкие и многодесятилетние *мощные неинерционные, а именно устойчивые, традиционные* доктринальные предпосылки национальной программы и национальной политики большевиков в момент революций 1917 года, всё же вынужден был признать (со странной оговоркой про только «революционную эпоху»), что «федеральные структуры и риторика национального самоопределения стали крупным наследием революционной политической эпохи, и, вероятно, большевики не смогли бы от него отказаться, даже если бы и хотели» [Санборн, 2021, с. 386].

¹⁰ Словацкий национальный проект в эпоху поражений Австро-Венгрии в ее борьбе против России — в 1915 году — содержал и идею присоединения к побеждавшей тогда Российской империи. См.: [Даниш, 2006].

инство, имела целью создание мощного этнографического тарана против западной части Российской империи. Однако для абсолютного большинства галицийской, украинской, малороссийской части большого русского народа эти усилия местных властей оставались почти незаметными, пока в 1914 году австрийские власти не начали ее принудительную ассимиляцию, сопровождаемую актами геноцида, который имел целью полноценную этническую инженерия — истребление даже намек на русскую идентичность русинов и замену ее украинской¹¹. Эту замену затем в своих интересах, создавая против многонациональной Польши Большую Украину, последовательно проводил в конце 1930-х — 1945 годах сталинский СССР. Это очень ярко проявилось в ходе заключения Брестского мира между Германией и ее союзниками с Украиной под властью Центральной Рады¹² в 1918 году и затем — в течение того же года — в практике германского и австро-венгерского оккупационного управления Украиной¹³. Помимо давно запланированных и понятных усилий Германии и Австро-Венгрии по отчленению, подчинению и колонизации Украины, в том числе путем ее украинской «национализации» ради создания отдельного титульного национального государства, были и иные факторы, заставившие еще Временное правительство России в 1917 году признать верхушечную, никем не избранную, политически и экономически бессильную, но амбициозную украинскую Центральную Раду в Киеве фактической национальной властью Украины в тех ее пределах, на которые эта Рада риторически претендовала. Она точно следовала этнографической традиции, считая язык основой национальности, а именно решению Императорской Академии наук России о признании украинского языка самостоятельным языком в 1905 году, распространяла свои территориальные претензии на все области южнорусских говоров, формально украинизируя их, то есть на Дон и Кубань. И Временное правительство фактически отступало перед этим, и лишь местные казачьи власти на Дону и Кубани стояли на пути этой уже не только картографической экспансии. С началом германо-австрийской оккупации украинской этнографической части России, буквального нашествия германо-австрийских войск на эту территорию вплоть до Дона, картографические мечты во многом стали реальностью. Так формально кабинетный, научный вопрос о национальном лице, национальной идентичности исторически почти мгновенно превратил-

¹¹ См. общий очерк истории вопроса: [Шевченко, 2011]. Несмотря на первоначальные обещания русинской автономии, эта истребительная линия возобладала и в составе Чехословакии [Шевченко, 2006].

¹² См.: [Михутина, 2007; Шубин, 2020; Русские об Украине и украинцах, 2021].

¹³ См., напр.: [Ланник, 2020].

ся в орудие империалистического (и капиталистического!) империализма и геноцида (против русинов).

Фундаментальной исторической травмой для Советской России стал Брестский мир РСФСР с Германией и ее союзниками, который весной 1918 года официально отрезал Украину от России, а в ходе его подготовки отдал в германскую оккупацию Украину, Прибалтику и фактически Финляндию. Советская Россия опасалась утраты имперской столицы — Петрограда — и перенесла ее в Москву¹⁴, и допускала возможность эвакуации ее даже в Казань и Екатеринбург.

Германская оккупация Украины, а затем и Закавказья, признание большевиками независимости Финляндии, а затем и оккупированной Германией Польши прямо поставили вопрос о принципиальном решении проблемы независимого национально-государственного строительства одновременно с надеждами на мировую революцию, по дороге к которой возникали (чаще всего, впервые или после длительного перерыва) многочисленные национальные государственности.

Практически весь XIX век Россию, в конце XVIII века принявшую участие в разделах Польши вместе с Пруссией и Австрией, атаковал антирусский польский этнический национализм, подавляя саму мысль о возможности собственных интересов великороссов, украинцев и белорусов, хотя в результате названных разделов Польши Россия присоединила к себе только этнографически литовские, белорусские, украинские и русские территории. На тот момент этническая идентичность этих народов была в зачаточном состоянии, колебалась между локальным самоопределением как «тутейших», языковой или конфессиональной солидарностью, но точно не была польской¹⁵. Их самоопределение вне польского великодержавия отрицалось, их демографический потенциал на подлинно имперской территории бывшей и будущей польской Речи Посполитой по умолчанию прибавлялся к общей сумме чужого для них ассимиляторского национального (этнически националистического) государства.

История «национального вопроса» (межнациональные отношения, государственная национальная политика, этнические конфликты, практический и теоретический национализм, сепаратизм и ассимиляция) в России была известна давно — и именно в тени австро-германской науки (и страшно сказать — практики) — с самого начала XX века. В меру общественной свободы,

---

¹⁴ См.: [Переезд советского правительства в Москву ... , 2019].

¹⁵ Об этнических переписях в этом регионе см.: [Колеров, 2017, Этничность как инструмент ...].

социально-политического заказа или личной ангажированности исследователи хорошо изучили основные межнациональные предпосылки той государственной катастрофы, что постигла полиэтничную Россию в 1917-м и полиэтничный СССР в 1991 году.

Выстраивая новый государственный проект, Советская Россия руководствовалась этнографическим знанием XIX века, открывшим для себя сложность внешне монолитных наций и выбравшим главным фактором этничности язык¹⁶, а также задачами мировой революции, которая должна была прийти на место континентальных (Германской, Австро-Венгерской, Османской и Российской) и колониальных (Британской и Французской) империй. Новый мировой коммунистический порядок (по Конституции СССР 1924 года, СССР был шагом на пути к созданию Мировой ССР, МССР), как можно предположить, с точки зрения переходного государственного строительства был вдохновлен опытом многонациональной Австро-Венгрии и на практике применен к территории бывшей Российской империи. В теоретическом плане эта МССР строилась как сеть национальных государств, объединенных Коммунистическим Интернационалом, ядром и донором которого служила Российская (Всесоюзная) коммунистическая партия (большевиков). Первым крупным национально-государственным проектом Мировой ССР была Советская Украина, созданная волей русских большевиков. В нем также ясно видится опыт Австро-Венгрии, в течение более чем полувека просуществовавшей как двойственная (дуалистическая) монархия двух государств: Австрии и Венгрии. В Советской России, построившей вокруг себя СССР и намеренной построить (в союзе с ожидаемой Советской Германией) Мировую ССР, вторым государственно-национальным (и потому — индустриальным) центром должна была стать «русская Венгрия» — Украина.

Поэтому надо прямо сказать: исходя из фундаментальных доктринальных соображений о *мировой коммунистической системе как совокупности национальных государств*, именно Ленин и Сталин¹⁷ на деле создали терри-

---

¹⁶ См. об этом: [Кадио, 2010]. О дальнейшем собственно советском национальном строительстве, но, к сожалению, в отрыве от описанного в предыдущей книге предварительного интернационального знания, см.: [Советский национальный проект ... , 2021; Хирш, 2022]. Предпосылки идей национального строительства в СССР можно найти, конечно, и в практике Российской империи, но они исследованы пока вне их доктрины, цели, смысла. См.: [Центр и регионы ... , 2021].

¹⁷ Мной был полностью введен в научный оборот на русском языке относительно недавно открытый грузинский источник об отношении Сталина к национальному строительству в СССР, в котором, в частности, звучит сталинский лозунг «социалистической независимой Грузии»: [Новые речи Сталина ... , 2019]. Но этот текст, к сожалению, так и не получил не только адекватной, но и вообще никакой рецепции в науке о Сталине.

ториально огромную Советскую Украину, освободив ее от многочисленных белых армий, защитив от польского и румынского империализмов, вложив в нее огромные силы всего СССР, приняв в 1918–1920 годах под свое управление и обеспечив ей с самого начала приоритетное централизованное финансирование из Москвы и, главное, изначально сформулировав ей национальные, языковые, этнические цели национального государства как части будущей МССР, проведя последовательную многолетнюю украинизацию («коренизацию») территории УССР (наряду с рядом соседних районов РСФСР¹⁸). Кроме главной, общемировой, принципиальной цели создания УССР была и, так сказать, континентальная стратегическая цель для Большой Украины. Этой целью стала межвоенная Польша, почти вернувшая себе границы конца XVIII века и служившая прямой военной угрозой для СССР, в актуальной исторической памяти которого было громкое и кровавое военное поражение в ходе Советско-польской войны 1920 года. Польша тогда остановила прорыв Советской России в сторону Германии, без промышленности которой, только за счет демографических и аграрных ресурсов России, мировая революция была утопией, — и оставила за собой западные части этнографических Белоруссии и Украины. В таких условиях военно- и мобилизационно-демографически мощная межвоенная Польша, при уже явленной в 1920 году поддержке тогда победных (по итогам мировой войны) и непобедимых в Евразии Британской и Французской империй, была главным непосредственным врагом для СССР и угрожала ему аншлюсом советских Белоруссии и Украины¹⁹. Инструментом анти-аншлюса, тараном, вторым устоем СССР и мыслилась в СССР Советская Украина, в 1918 году укрупненная большевиками за счет русского (территории Войска Донского) Донбасса²⁰.

Большая (советская) Украина оставалась и главной в Восточной Европе ресурсной целью для Германии, только-только начавшей накопление сил для реванша в новой, будущей мировой войне. Даже после Великой Отечественной войны, когда Восточная Европа стала протекторатом СССР²¹, в советской пропаганде продолжал звучать мотив особой роли Украины (то есть «Киевской Руси») в переустройстве Восточной и даже Средней (то есть прямо взятой из традиционной, давней немецкой риторики о Срединной Европе — *Mittleeuropa*!) Европы. Советский пропагандист писал об этом прямо, проводя прямую

¹⁸ Об этом: [Дроздов, 2016].

¹⁹ Осознание внешней непосредственной угрозы с Запада для Советской России началось также весной 1918 года, когда в независимой Финляндии вспыхнула гражданская война, поддержанная большевиками.

²⁰ [Колеров, 2016; Колеров, 2017, Анти-Аншлюс ...].

²¹ См. об этом в подробностях: [Москва и Восточная Европа ... , 2020].

диахроническую связь между Киевом вчера и Москвой сегодня и завтра, то есть сохраняя Киев во главе Большой Украины в качестве второго исторического фундамента СССР. Дополнительным аргументом к оживлению славянской темы, реализуемой СССР специально в применении к его протекторатам в Восточной Европе и на Балканах, стали и территориальные претензии СССР к Турции в Закавказье, которые также затронули и османское наследие на Балканах:

Тесное общение между родственными по происхождению, языку и культуре славянским населением Восточной, Юго-Восточной и Средней Европы существовали уже в первые века нашей эры... Во времена Киевской Руси (X–XII вв.) русско-славянские отношения приобретают характер постоянных культурно-политических связей... В XIV веке национальным центром русского народа становится Москва... С первых же лет XV века Москва привлекает к себе пристальное внимание братских народов, и прежде всего южных славян, подвергшихся нападению турок. Москва становится средоточием культурных связей славянства. В XVII веке русский народ сыграл выдающуюся роль в избавлении от иноземного господства украинцев, в XVIII веке — белоруссов. Что касается южных и западных славян, то непосредственную помощь в их борьбе за национальное освобождение Россия смогла оказать в XIX веке. Крупнейшим фактором политической жизни России в XIX веке становится революционная борьба... Одновременно в славянских странах широко разворачивается освободительное движение, ставящее своей целью свергнуть владычество немцев и турок.

[Дацюк, 1947, с. 3–4]²²

Понятно, почему Сталин и контролируемая им советская историческая наука к концу 1930-х приняли для Древней Руси имя «Киевская Русь» — этого требовал советский проект Большой Украины, рожденный из опыта дуалистической Австро-Венгрии (она была образцом для немецких марксистов²³ и, значит, русских социалистов в области национальной политики) и предназначенный для противостояния СССР с Польшей — ближайшим и крупней-

²² Примечательно, что и в этом трактате, дающем очерк новой славянской политики СССР, неизменно фиксируется мощная традиция особой украинской политики большевиков: «16(3) декабря СНК принял составленный Лениным манифест к украинскому народу, в котором говорится, что СНК признаёт “Украинскую республику, ее право совершенно отделиться от России” или вступить с ней в договорные отношения» [Дацюк, 1947, с. 11].

²³ Например, образцовый социал-демократический труд [Бауэр, 2015]. Материалы по этому вопросу в России см.: [Формы национального движения ... , 1910; Национальный вопрос в России ... , 1995; Национализм ... , 2015].

шим врагом СССР на его Западе вплоть до 1939 года. Но зачем они всю диахронию отечественной истории подчинили этой «украинской» ойкумене? Ведь Сталину стоило больших усилий преодолеть стратегическую инерцию этого угрожаемого с Запада двоецентриа, когда он еще в 1925 году начал с большим политическим трудом реализовывать проект урало-сибирского «второго индустриального центра» СССР. Именно он, этот тыловой центр, в 1941–1945 годах, когда Советская Украина была утрачена под гитлеровской оккупацией, стал основой победы СССР в Великой Отечественной войне. Эмигрантское правительство Польши в Лондоне начиная с 1943 года активизировало свои претензии на Западные Белоруссию и Украину в послевоенном устройстве, но они были отвергнуты Сталиным.

Однако конституционное положение Украинской ССР как *национального государства* в составе СССР, формально равное положению других союзных республик, имело своим главным фундаментом *созданное усилиями всего СССР* ее особое, отдельное экономическое развитие (для других союзных республик бывшее всё еще дальнейшей задачей). Это было ясно выражено в сталинской Конституции СССР 1936 года, действовавшей вплоть до 1977 года. В толковании к ней, изданном одновременно с созданием этой конституции, ответственный сталинский политический юрист А. Я. Вышинский, с конца 1920-х и вплоть до смерти Сталина бывший главным лицом государственной правовой риторики, так (без радикальных к тому оснований) объяснил, почему Киргизия и Казахстан, одновременно с принятием новой Конституции СССР 1936 года, были *повышены в статусе* из автономных в составе РСФСР (Советской России) до союзных республик в составе СССР: «Удельный вес Казахстана и Киргизии в народном хозяйстве СССР полностью оправдывает их превращение в новые союзные республики». А ликвидацию соучредившей СССР в 1922 году ЗСФСР и раздел ее на Грузию, Армению, Азербайджан (и внутри их ряд автономий), непосредственно входящих в СССР в качестве союзных республик, аргументировал так: «Ныне республики Закавказья из аграрных стран превратились в индустриально-аграрные страны». Все союзные республики конституционно имели суверенное право на выход из СССР [Вышинский, 1936, с. 17, 19]. В реальности коммунистической диктатуры в СССР это означало, что на пути к полной мировой революции допускалось *за счет отделения их от России и затем от СССР* создание независимых национальных государств, пронизанных единой или централизованной мировой коммунистической организацией.

Принципиально важно иметь в виду пример преобладающе русской по населению буферной Дальневосточной республики (1920–1922), созданной боль-

шевиками и упраздненной сразу после присоединения к Советской России. Опыт этого протектората, временно служившего лишь тому, чтобы избежать прямого столкновения Москвы с Японией²⁴, ясно говорит о том, что Россия как национальное государство большевиками не рассматривалась даже в ее фрагменте. И никаких, даже ради гибкости регионального управления, русских титульных образований внутри СССР, РСФСР и особенно внутри союзных или автономных республик (кроме недолговечных русских национальных районов) создано не было.

Национальное строительство в СССР после Второй мировой войны получило масштабное продолжение и развитие в его протекторатах — странах «народной демократии» Восточной Европы и Балкан — и в совершенно особой сфере бывшего Красного Востока 1920–1930-х годов — в политике СССР в отношении Китая и Индии, огромных континентальных государств, добившихся независимости, а затем и дальнейшей деколонизации в Азии и Африке в 1960-е годы. В их случае метод раздробления территории на национальные государства (или создания национальных государств из многоплеменных сообществ, связанных лишь языком колонизаторов) уже не работал. Приблизительно говоря, континентальные державы, Китай и Индия, столкнувшись с проблемой территориального единства, не могли не учесть интегральный опыт СССР как *континентальной* державы, творя свою субмировую революцию в наднациональном масштабе. Создатель независимой Индии Джавахарлал Неру анализировал эту перспективу накануне обретения независимости так, что это не могло не соотноситься с опытом национального и *наднационального* строительства в СССР, когда его фундаментальный труд был переведен на русский язык вскоре после смерти Сталина и когда СССР вел перенастройку своей риторики мировой революции (актуальной еще в докладе Г. М. Маленкова на последнем сталинском съезде партии в конце 1952 года). Неру посвятил этому специальную главу своего труда, названную «Индия: разделение, сильное национальное государство или центр наднационального государства?», где внятно выстраивал путь огромного континентального единства. Он беспокоился о том, что при отделении от Британской империи новая Индия потеряет мусульманские части Британской Индии (то есть тогдашний Пакистан на восток и на запад от самой Индии). И в итоге предрекал своей континентальной Индии именно мировое значение, косвенно отвечая на опыт СССР, теоретически допускавшего отделение коммунистических национальных государств ради мозаики единой мировой революции и утверж-

²⁴ См.: [Ципкин, Орнацкая, 2008; Лёвкин, 2018; Саблин, 2020].

давшего единство политической нации, к формулированию которой власть СССР пришла только в 1977 году, исторически поздно объявив о появлении союзной политической нации²⁵:

Это единство [в рамках Британской Индии, включающей в себя Пакистан] является географическим, историческим и культурным, но самый мощный фактор, действующий в его пользу, — это развитие мировых событий. Многие из нас придерживаются мнения, что Индия представляет собой, по существу, единую нацию. <...> Часто выдвигают требование о предоставлении любому хорошо организованному району права на отделение от индийской федерации или союза и в качестве примера ссылаются на СССР. Этот довод не убедителен, так как условия там совершенно иные, и это право не имеет большого практического значения. В той эмоциональной атмосфере, которая царит в настоящее время в Индии, возможно, представляется желательным согласиться с этим на будущее, дабы создать столь необходимое чувство свободы от принуждения. <...> Кроме того, возможность разделения и раскола в самом начале чревата серьезной опасностью, ибо такая попытка может убить в самом зародыше свободу и сделать невозможным создание свободного национального государства. <...> Тихий океан, вероятно, займет в будущем место Атлантического в качестве нервного центра всего мира. Индия, не являясь непосредственно тихоокеанским государством, будет, однако, неизбежно оказывать там значительное влияние. Кроме того, Индия превратится в центр экономической и политической деятельности района Индийского океана, Юго-Восточной Азии и территории, простирающейся до Среднего Востока. Ее положение придает ей экономическое и стратегическое значение в той части мира, которую ждет в будущем быстрое развитие. <...> Г. Д. Х. Коул считает, что Индия сама по себе является наднациональным районом, и полагает, что в конечном счете ей суждено стать центром могущественного наднационального государства, охватыва-

---

²⁵ В тексте Конституции СССР 1977 года говорилось, что СССР — «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик». Но при этом уже СССР — «это — общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ». Поступив в Московский университет в 1984 году, куда съехались многочисленные так называемые «национальные кадры» из всех союзных республик СССР, я из всей этой, как представляется, репрезентативной выборки молодых людей 1960-х годов рождения встретил только одного человека (грузина), кто отрицал необходимость существования в официальных личных анкетах граждан СССР пункта номер 5 — с указанием их национальности — и называл себя человеком именно внеэтнической «советской» национальности.

ющего весь Средний Восток и лежащего между китайско-японской советской республикой, новым государством, в которое войдут Египет, Аравия и Турция, и Советским Союзом на севере. Все это — чисто предположительно, и никто не может сказать, произойдет ли это когда-нибудь. Я, со своей стороны, не сторонник разделения мира на несколько огромных наднациональных территорий, если они не связаны какими-то прочными международными узами. Но если люди будут столь безумны, что откажутся от международного единства в какой-то международной организации, тогда, вероятно, надо ждать возникновения этих огромных наднациональных районов, из коих каждый будет функционировать как одно огромное государство, в которых сохранится автономия на местах. Малые национальные государства обречены. Они могут выжить в качестве территорий, пользующихся культурной автономией, но не как независимые политические единицы.

[Неру, 1955, с. 576, 584, 587–588, 590]²⁶

Самоупражнение СССР как транснационального политического единства в пользу национальных государств и России как федерации в 1991 году оставило Украину наедине с национально-государственным проектом *Большой Украины* — в том виде, как его создали большевики, Ленин и Сталин, — включающей Закарпатье, Западную Украину, Буковину, Южную Бессарабию, Крым и Донбасс. Они, используя для создания Большой Украины ресурсы всего СССР, ставили ей другую, мировую задачу. Однако независимая после СССР Большая Украина решила взять своей целью ту судьбу, что нарисовал ей американский стратег польского происхождения — Збигнев Бжезинский: стать самоистребительным орудием Запада в борьбе против России.

Нет сомнений, что этот проект оказался для современной, всё более националистической Украины избыточен, велик и слишком сложен. Поэтому сегодня Украина стоит перед самым главным, принципиальным вопросом в своей истории: стать окончательно этнонациональным государством, отказавшись от империалистических территориальных претензий на Юго-Востоке — или стать спасительной для нее федерацией, опять же — отказавшись от своего националистического империализма. Именно эта судьба Украины решается сегодня, в эти дни. И мы ее — свидетели.

²⁶ Внутреннее рецензирование русского перевода этой книги в высших политических органах СССР должно содержать красноречивые отклики на нарисованные Неру замечания к опыту СССР и новые перспективы. Содержательным обещает стать и сличение оригинального текста книги с его русским переводом. Это дело архивного поиска и специального исследования.

Апологеты ленинской модели создания СССР из «союзных» республик, которой Сталин короткое время — до принятия окончательного решения — пытался противопоставить свою «автономизацию» (прямое включение в Советскую Россию), — умалчивают о том, что такая ленинская модель в ее идеале была конфедерацией ради мировой революции. Компетентный американский исследователь, обладающий ценным личным советским опытом и потому свободный в анализе источников от магии риторики и буквализма, обоснованно отмечает:

Советская национальная политика формулировалась и осуществлялась националистами. Ленинский тезис о реальности наций и «национальных прав» был одним из самых долговечных в его карьере; ленинская теория благотворного национализма (см. его слова о национализме малых наций. — М. К.) легла в основу Союза ССР; а ленинская политика «национального строительства» обернулась необыкновенно успешной государственной кампанией по риторическому слиянию языка, «культуры», территории и «коренизированной» бюрократии. Ленинская гвардия отчаянно равнялась на вождя, но подлинным «отцом народов» стал И. В. Сталин. «Великий перелом» 1928–1929 гг. обернулся самым экстравагантным прославлением этнического плюрализма из всех, что когда-либо финансировались государством. «Великое отступление» середины 1930-х сузило круг «цветущих национальностей», но призвало к более интенсивному культивированию тех из них, которые обильно плодоносили. И наконец, за Великой Отечественной войной последовало официальное разъяснение, что класс вторичен по отношению к национальности...

[Слѣзкин, 2001, с. 329]

Однако на деле план Сталина по «автономизации» государственно-национального строительства в 1922 году описывал именно *практику* сложившихся внутрисоветских, межреспубликанских государственных отношений. План Ленина по созданию СССР (как Мировой ССР) продолжал *программу-максимум* мировой революции. Но после учреждения СССР Сталин стал подлинным мотором *антирусской* (против России и за счет России) «коренизации» (титульной национализации союзных республик и внутриреспубликанских автономий) как метода подготовки национальных государств в качестве плацдармов для мировой революции. Именно об этом централизованном выращивании локальных национализмов в СССР в целом, и особенно в его союзных республиках, убедительно говорит Терри Мартин в своей эпохальной и научно сенса-

ционной книге о том, как в СССР реализовывалась «позитивная дискриминация» в пользу создаваемых советских народов²⁷.

Сталинская модель «автономизации» лишь повторяла его собственную доктринальную, также довоенную — 1913 года — схему, опирающуюся на образец Австро-Венгрии. В годы Гражданской войны реальное положение советских республик было близко к автономным (если можно вообще говорить об автономности во время войны). Апологеты «ленинской модели» создания СССР из «союзных» республик, которой Сталин пытался противопоставить свою «автономизацию» (их прямое включение в Россию), лицемерят. Они умалчивают о том, что такая ленинская модель в идеале была конфедерацией ради мировой революции (со стержнем в виде Коммунистической партии) и потому даже конституционно называлась Мировой ССР. То есть была доктринально продиктована большевиками. Основой этой доктрины в применении к России были расчленительные политические трактаты Ленина 1914–1915 годов. Но в практике 1918–1921 годов советские республики и близко не имели «союзного» положения внутри СССР. Ибо в перспективе предназначены были для мирового строительства *вне СССР и за счет СССР*, что на практике не означало ничего иного, кроме мирового строительства *вне России и за счет России*.

Наконец, в этом контексте ленинско-сталинскую Советскую Украину следует признать наиболее последовательно реализованным советским проектом в сфере национального строительства, который в лице *Большой Украины* достиг апогея ее гипертрофированного национально-государственного строительства как *малой империи* (впрочем, по масштабу своему вполне сопоставимой с Австро-Венгрией). Такой ее сделали крупные территориальные приращения к изначальной Советской Украине, которые были произведены Лениным (Донбасс, 1918), Сталиным (Западная Украина, 1939; Буковина и Южная Бессарабия, 1940; Закарпатье, 1945) и Хрущевым (Крым, 1954). Примечательно, что незадолго до убийства, находясь в глухой радикальной оппозиции к Сталину, Лев Троцкий по-своему, но в той традиции тоже следовал этому проекту Большой Украины перед лицом приближающейся войны СССР с гитлеровской Германией и прямо во время начала войны Германии против Польши — противопоставляя отдельную, самодостаточную, *национальную* и даже *мононациональную* Советскую Украину ненавистному ему сталинскому СССР. Он писал в своем «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)» в июле и августе 1939 года:

²⁷ Рус. пер.: [Мартин, 2011]. Оригинал: [Martin, 2001]. В русской науке установилось мнение, что наилучшим русским переводом английского исторического понятия 'Affirmative Action' является 'позитивная дискриминация'.

Главной частью украинской нации является нынешняя советская Украина. Развитие промышленности создало здесь могущественный чисто-украинский пролетариат. Ему предстоит быть руководителем украинского народа во всей его дальнейшей борьбе. Украинский пролетариат хочет вырваться из тисков бюрократии. <...> в чем же собственно состоит «центризм» лозунга независимой советской Украины.

[Троцкий, 1939, Независимость Украины ...]

И далее: «Вот почему мы говорим: Да здравствует независимая советская Украина!» [Троцкий, 1939, Демократические крепостники ...]²⁸.

Национализм в России и доктринальный социализм

Историческая Россия была счастливо лишена искушений правящего этнического национализма, строя свою идентичность вокруг конфессионального и языкового стержня. Просвещение дало ей два импульса национализма, которые легко легли в эти русла конфессионального и языкового единства: французский и немецкий.

Собственный *политический* национализм в России восходит к образу (общенационального) Отечества, введенному в доминирующий военно-государственный и идеологический лексикон Петром Великим и потому тесно переплетенному им с монархической лояльностью²⁹. Он стал основой для имперской идеологии, свободной от этнических сужения и эксплуатации.

Новый, общественный, общегражданский, политический, не монархический импульс для формулирования русского имперского (государственного) национализма дала Французская революция и увенчавший ее император Наполеон Бонапарт. В перспективе Французской революции и ее императорской эволюции просуществовала вся история русского антисамодержавного освободительного движения вплоть до большевистской революции 1917 года, послереволюционного «термидора» и установления диктатуры Сталина.

Прямо из-под оккупации французского революционного империализма вырос столь же яркий и мировой образец национализма *культурно-языкового* (поначалу вполне антиимпериалистического) — общенемецкий национа-

---

²⁸ Ср. с лозунгом Сталина в конце 1945 года: «социалистическая независимая Грузия» (хотя и в составе СССР) [Новые речи Сталина ... , 2019, с. 512].

²⁹ О развитии образа Отечества в русской и советской исторической политике см. подробно: [Колеров, 2017, Историческая семантика «Отечественной войны» ...]. Я для логики текста ссылаюсь здесь лишь на свои исследования, содержащие детализацию, доказательства тезисов и иллюстрации к ним. Эти исследования, конечно, ни в коем случае не дают историографической картины вопроса.

лизм Фихте. Он стал философией и нормой европейского национального освобождения и государственного объединения, практически (почти) не замечая национальных меньшинств, неизбежно попадающих в поле национального объединения (в германском случае это были поляки и евреи, обреченные на ассимиляцию). Вослед ему поднялось национальное восстание и объединение Италии. Возрождающиеся и борющиеся за объединение Германия и Италия стали в центр революционного и либерального пафоса в России. При этом Германия стала также образцом и массового успешного социал-демократического движения, чей германский патриотизм (и даже защищаемая им сама Германская империя как *объединенное национальное государство*) воспринимались в России как *патриотизм прогресса, национализм передовой нормы*.

Благодаря своему социализму объединенная *национальная* Германия точно так же служила альтернативой государственному национализму русского самодержавия, как служила ею либеральная, но *колониальная* Британская империя, зримо отводившая России удел новой Индии (в то время как Россия хотела быть новой Америкой). В глазах социалистического и либерального освободительного движения в России государственный национализм Российской империи был «тюрьмой народов», то есть *многонациональной* империей на пути стремлений народов к независимости, в первую очередь — на пути ассимиляторской националистической Великой Польши дораздельных масштабов, то есть включая этнографические литовские, белорусские, малороссийские (украинские) и др. территории (которые *даже* в межвоенной Польше XX века составляли до 50% населения). Логика националистической борьбы заставляла видеть в русской империи *националистического* врага, каковым она не была. Это тем более было видно по тому, как именно Российская империя остановила ассимиляцию Финляндии ее шведским правящим классом и тем самым невольно дала старт для финского националистического проекта Великой Финляндии.

Нет сомнений в том, что эти французский и германский образцы национализма изначально равно содержали в себе идеалистические, религиозные, социальные и социалистические принципы общенационального и политического строительства. В России этот социал-либеральный проект религиозного национального освобождения и объединения пал жертвой революции 1905 года и главной его фигурой стал поп Гапон [Колеров, 2002].

При этом именно германский объединительный и протекционистский *социал-консервативный* национализм [Колеров, 2017, Фихте, Лист, Витте, Сталин ...] противостоял *либеральной* фритредерской риторике британского империализма. Германский образец воспитывал в России последователей немец-

кого национал-либерализма (а затем и национал-большевизма, не выросшего в национал-социализм) [Колеров, 2018, «Аще не умрет, не даст плода» ...]: они либо вели конкурентную имперскую борьбу против Германии, либо пестовали революционную с ней солидарность. А собственная (вполне маргинальная³⁰) попытка строительства либерального *русского имперского национализма* была не только утверждением верховенства имперской государственности, но и почти отрицанием ее этнографической сложности как несущественной [Национализм ... , 2015; Колеров, 2017, «Проблемы Великой России» ... ; Колеров, 2017, «Национальные проблемы» ...].

Этнонациональная и конфессиональная сложность была хорошо видна именно социалистическому и либеральному освободительному движению в России. Политически ее пестовали польский, финляндский и еврейский вопросы (украинский не был политически громким), а этнографически он исходил из собственного богатого ссыльно-каторжного опыта русских революционеров. Однако подлинная сложность национального вопроса в монопольном владении социалистического и либерального консенсуса развивалась и рассматривалась в пределах западных образцов: расчленяемых в большинстве проектов будущего мирового устройства Австро-Венгерской и Османской империй на национальные (территориальные) единицы, а также доминионы, протектораты и колонии иных великих держав.

Ради этой национальной сложности должна была умереть и Российская империя как младший союзник *любых* победителей в мировой борьбе. И защитников большой Исторической России вне ее уходящих самодержавия и монархии было ничтожно мало: максимум, что обещал ей социал-либеральный консенсус в России, — слабая федерация (вскоре умершего) *австро-венгерского* образца, из вдохновений которого выросла расчленительная часть доктрины главного большевистского специалиста по национальному вопросу — Сталина. Второй половиной ленинско-сталинского решения *мирового* национального вопроса должна была стать стержневая коммунистическая диктатура над сетью *национальных социалистических государств*. Повторю:

Сталинский социализм в одной стране, пришедший на смену марксо-энгельсовской и ленинско-троцкистской мировой революции, лишь развил в пользу России сложившийся западный цивилизационный расизм, отво-

³⁰ Еще более маргинальной следует признать попытку строительства низовой «национал-демократической» альтернативы, блестяще исследованной в недавних трудах: [Чемакин, 2018, Истоки русской национал-демократии ... ; Чемакин, 2018, Русские национал-демократы в эпоху потрясений ...].

дивший ей маргинальную роль, использовал богатое германское наследие строительства великой державы на основе экономического протекционизма изолированного государства, применил в пользу Советской власти индустриально-колониальную технологию «первоначального накопления».

[Колеров, 2017, Социалистический консенсус в России ... , с. 13]

И добавлю: социализм в одной стране был передышкой, но *категорически не исключал перспективы мировой революции до самого конца правления Сталина.*

С другой стороны, *британский* образец воспитывал в России либерал-империалистов, для которых конкуренция с Британской империей была исключена (и даже — конкуренция с покровительствуемой ею Османской империей! [Колеров, 2018, «Великая Россия» и «Ближний Восток» ...]). России в мире Британии и русских англоманов была отведена судьба колониальной Индии. Эта еще довоенная (до Первой мировой войны), затем — военного времени, по сути своей колониальная, русская солидарность с *либеральной* Британской империей с началом в России Гражданской войны 1918–1920 годов послужила идейной основой для согласия белых антибольшевиков с вооруженной интервенцией Британии в Россию.

С революционной же точки зрения германский образец воспитывал в России надэтнический и революционный этатизм, а британский — революционный поиск слабых мест в его колониальной системе, ведущий к солидарности с будущим Красным Востоком, разрушающим Британскую и Османскую империи. Опыт Австро-Венгрии здесь, в колониальном контексте, звучал как почетная для России версия «европейского» национального расчленения. Но опыт Балкан как *Ближнего Востока*³¹, части Османской империи не включался в этот «европейский» горизонт. И традиционное культурное и внешнеполитическое покровительство России над балканскими народами не воспринималось русскими революционерами как освободительный исторический капитал и было целиком отнесено к ее «восточному» империализму, которому во внутренней политике оппозиционная антисамодержавная публицистика издавна нашла нелиберальное клеймо «татарщины».

Иными образцами национализма стали национально-освободительные движения в Польше и Венгрии. Они изначально были проектами регионального империализма, либо отрицающими право иных народов на националь-

³¹ Таково было место Балкан в официальных изданиях НКВД РСФСР даже в начале 1920-х годов.

ное самоопределение, либо использующими их инструментально как младших союзников в деле разрушения больших враждебных империй. Но, в частности, Польша получила горячую поддержку великих держав — Британии и Франции — в их империалистической борьбе против самодержавной России. И потому борющаяся против России Польша и ее собственные империалистические националистические интересы получили у европейских революционеров имя внеклассового «народа-революционера». Впрочем, польский национал-империалистический проект не был этническим, а выдвигал в основу своего национального строительства (против литовского, малороссийского, русинского, белорусского и даже еврейского партикуляризма) конфессиональную и языковую консолидацию как результат ассимиляции.

Итак, к 1872 году в интернациональной европейской научной среде сложился консенсус, что центральным этнографическим принципом идентификации и строительства национальности является языковое самоопределение [Колеров, 2017, Этничность как инструмент ... , с. 573]. Это предопределило политически центральную роль национальной, этнической, языковой школы в строительстве этноса и, соответственно, административный произвол в школьном деле ради ассимиляции меньшинств. Школьное строительство, простейшее народное просвещение на родном языке стало инструментом не только образования, но и национального освобождения, подготовкой политического фундамента для соединения (обще)национальной и социальной борьбы.

Этнографический исследовательский консенсус, утверждая культурно-языковой, конструктивистский, просветительский фундамент под национальным самоопределением, продиктовал практическим политикам целую программу рукотворного национального строительства как акта самозаконной, принудительной биополитики Просвещения и Модерна, исходящей из того, что человека создает его социальная среда. Такое *биополитическое* репрессивное национальное строительство и революционное национальное освобождение получило ясную цель в рациональном достижении рукотворной государственности для *каждой* национальности, начиная с автономии и кончая независимостью.

Апогеем такой рукотворности государствообразующего национализма в России можно признать формулы Ленина. Они проливают достаточно света на неизбежные конфедеративные искушения советской власти в СССР *во всей его истории*, неизменно истреблявшие ресурсы России как его ядра в интересах новосозданных национальных государств внутри самого СССР и заново утвержденных — вокруг него. Приняв за ориентир австро-венгерскую практику,

Ленин использовал ее — в контексте мировой революции — не для целей сохранения единства России, а для ее максимального сокращения до собственно великорусских пределов. С этой точки зрения хорошо известная дискуссия Ленина и Сталина в 1922 году о принципах строительства СССР либо как союза республик (Ленин), либо как системы автономий (Сталин) представляется вымышленно принципиальной: ибо речь шла одинаково об *изобретении национальных государств* разного уровня, практически *одинаково* подчиненных мировой коммунистической программе.

Еще в 1915 году посреди идущей мировой войны на уничтожение империй (прежде всего — Российской) в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» Ленин прямо заявил принципы решения национального вопроса в масштабе мировой революции, напоминающей пафос «мирового правительства» отца либертарианства фон Мизеса. Он начал программу с «победы социализма в одной стране», дающей цепную реакцию по всему миру *в виде социалистических независимых государств*, идущих к новому единству:

<...> поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе <...> [лозунг] *Соединенные Штаты мира* (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. <...> лозунг *Соединенные Штаты мира* <...> сливается с социализмом...

[Ленин, 1958–1965, т. 26, с. 352–354]

Контекстом такой формулы для Ленина была его предвоенная статья «О праве наций на самоопределение» (1914), в которой ядром национальности объявлялся, разумеется, язык. Но язык этот догматически превращался в мощнейший фактор социально-экономического, то есть государственного, единства — и именно поэтому становился главным орудием *государственного расчленения во имя всемирного коммунизма*:

Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. <...> необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий дей-

ствительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота <...> Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. <...> под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства. <...> неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование.

[Там же, т. 25, с. 258–259]

Заявляя как *максимально прогрессивный* такой сценарий бесконечного национального дробления перед перспективой финального мирового коммунистического объединения, Ленин приветствовал «точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств (то есть Австро-Венгрия и Россия против Германии, например. — М. К.)) являются “всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым” (отсталым)». И утверждает «безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и “норма” капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение» [там же, с. 260, 263].

Важно подчеркнуть снова и снова: в этой доктрине — *национальная монолитность* (едва ли не тотальность) — *норма, а национальная сложность — отсталость*. Потому и известные претензии Розы Люксембург к Ленину 1918 года о том, что, безоговорочно поддержав национальную независимость Польши и Финляндии против классовой борьбы их пролетариата и фактически в пользу диктатуры национальной буржуазии, Ленин изменил принципам, шли мимо предмета (она, конечно, знала об участии большевиков в гражданской войне в Финляндии, но та была *после* признания ее независимости). Ведь Ленин задолго до 1918 года «изменял классовым принципам», отстаивая внеклассовые национальные государственности против империй, прежде всего Российской.

Здесь же, в статье 1914 года, Ленин делает важную оговорку, позволяющую ему сфокусировать свою формулу беспредельного национального раздробления вплоть до *мозаики* — именно на обреченных на уничтожение «отсталых» империях, то есть прежде всего — на России. Он особо выводит подразумеваемо *национально единый* (после свершившейся ассимиляции) и потому-де го-

раздо более *готовый для коммунизма, социализированный* Запад из-под дробящего молота освободительного национализма, чтобы остановить общее разрушение на его пороге:

В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего «востока». <...> Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе. <...>

Своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. <...> «иностранцы» (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины <...> что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства — финнов, шведов, поляков, украинцев, румын) <...> Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

[Там же, с. 269–271]

И, наконец, уже вновь в 1915 году в брошюре «Социализм и война (отношение РСДРП к войне)» Ленин суммирует свои исторические экскурсы в прямой лозунг, в котором соединяет уничтожаемый им имперский феодализм, оправдываемый победный буржуазный *этнографический* национализм, необходимые многочисленные социалистические национальные государства, максимально дробные и *очищенные от инонациональных сложностей*, и ждущий их в будущем объединительный мировой интернационал:

Социалисты <...> безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии *угнетающих* стран (так называемых «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право угнетенных наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т. е. право на политическое отделение. <...> Отстаивание этого права не только не поощряет образование мелких государств, а, напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами. <...> борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение.

[Там же, т. 26, с. 328–329]

Здесь мы видим предельно ясную для Ленина — как наиболее успешного вождя радикальной социалистической партии в России и в мире —

- апологию современной Ленину передовой (социализованной, демократической) капиталистической государственности, построенной на основе этнического как языкового (не политического) национализма;
- требование такого национализма как условия на пути к (национальному) социализму — как первой стадии;
- требование мирового интернационального коммунизма, который, разрастаясь из одного социалистического государства, должен вырасти в Соединенные Штаты мира.

Таким образом, отдавая себе отчет в бесконечности исторической перспективы этих *Соединенных Штатов мира*, мы должны признать, что в обозримой им самим актуальной перспективе Ленин видел только *социалистические государства*, построенные на основе *этнического национализма*.

Стоит ли называть их «национал-социалистическими» или «национал-большевистскими» — дело не столько вкуса, сколько терминологического бесчувствия. Ибо и национал-социализм, и национал-большевизм — явления исторически конкретные и игра их смыслами — только игра: в части национал-социализма — морально преступная, в части национал-большевизма — скорее анекдотическая.

Список источников

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: ИМОИ: INPA, 1990. 239 с.

Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / пер. М. С. Панина. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 598 с.

Безсонов С. В. Архитектура Западной Украины. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1946. 95 с.

Вышинский А. Я. Государственное устройство СССР. [М.]: Сов. законодательство, 1936. 47 с.

Даниш Мирослав. Словаки и Россия. Политические концепции и планы в 1900–1917 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2006. Т. III: Словаки и Россия: политические концепции и планы в 1900–1917 гг. С. 38–107.

Дацюк Б. А. Москва — светоч славянства. М.: Московский рабочий, 1947. 68 с.

Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 486 с.

Кадио Жюльет. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 331 с.

Колеров М. А. «Аще не умрет, не даст плода»: власть и жертва Николая Устрялова // Колеров М. А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018. С. 169–227.

Колеров М. А. «Великая Россия» и «Ближний Восток» П. Б. Струве: британские вдохновения и разрушение Османской империи и Австро-Венгрии (1908–1916). Приложение: Струве Петр. Международное положение и международная реакция (1908) // Колеров М. А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018. С. 47–78.

Колеров М. А. «Национальные проблемы» (1915). Реплика содержания // Колеров М. А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. С. 291–294.

Колеров М. А. «Проблемы Великой России» (Москва, 1916). Реплика содержания // Колеров М. А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. С. 295–300.

Колеров М. А. Анти-Аншлюс: «национальные государства» СССР против Польши (1920–1940-е гг.) // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сб. ст. / науч. ред. А. Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2017. С. 179–208.

Колеров М. А. Историческая семантика «Отечественной войны»: между общенациональным и этническим/партийным (1812–1914 — 1918–1941) // Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. С. 472–553.

Колеров М. А. Март 1918: Советская Россия учится жить без Донбасса: К истории «угрозы с Запада» и «второго индустриального центра» в сталинской перспективе // Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2016. Кн. 11: Многоликий и беспокойный славянский мир. Научный сб. в честь 50-летия Ю. А. Борисёнка. С. 408–424.

Колеров М. А. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М.: Три квадрата, 2002. 222 с.

Колеров М. А. Социализм в одной стране: изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. 264 с.

Колеров М. А. Социалистический консенсус в России на рубеже 1905 года: тезисы к новой истории // Колеров М. А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. С. 9–16.

Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. 640 с.

Колеров М. А. Фихте, Лист, Витте, Сталин: изолированное государство, протекционизм, первоначальное социалистическое накопление и «социализм в одной стране» // Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. С. 109–311.

Колеров М. А. Этничность как инструмент: Литва в фокусе демографической борьбы XIX–XX вв. // Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. С. 554–602.

Круглов В. Н. Большевики и проблема территориального устройства РСФСР: идеология, дискуссии, практика, результаты (1917–1922 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: [ГЦМСИР], 2018. С. 115–120.

Культуры патриотизма в период Первой мировой войны. Сборник статей / под ред. К. А. Тарасова, сост. и предисл. Б. И. Колоницкого. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2020. 317 с.

Ланник Л. В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. 55 т.

Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 677 с.

Лёвкин Г. Г. Административно-территориальное устройство Дальне-Восточной республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: б. и., 2018. 442 с.

Люксембург Роза. Кризис социал-демократии. С приложением статьи Н. Ленина. Предисл. Клары Цеткин. М.: Красная новь, 1924. XXII, 130 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 662 с.

Михутина И. Украинский Брестский мир. М.: Издательство «Европа», 2007. 288 с.

Москва и Восточная Европа: Национальные модели социализма в странах региона (1950–1070-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки: сборник статей / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Институт славяноведения РАН; Нестор-История, 2020. 282 с.

Национализм. Полемика 1909–1917. Сборник статей / сост. М. А. Колеров. 2-е изд. М.: Модест Колеров, 2015. 303 с.

Национальный вопрос в России (1900–1917). Аннотированный указатель книг, статей и публикаций в журналах / сост. И. Г. Гальперина и др. М.: РГБ, 1995. 100 с.

Неру Джавахарлал. Открытие Индии / пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 649 с.

Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталиным // Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год / под ред. М. А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2019. С. 491–525.

Переезд советского правительства в Москву. К 100-летию возвращения столицы в Первопрестольную: сборник научных статей / отв. ред. И. И. Тучков, Л. С. Белоусов. СПб.: Алетейя, 2019. 239 с.

Русские об Украине и украинцах. Сборник / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. СПб.: Алетейя, 2012. 454 с.

Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 471 с.

Санборн Джошуа. Великая война и деколонизация Российской империи / пер. с англ. Ольги Поборцевой. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2021. 453 с.

Слэзкин Юрий. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 329–374.

Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Аманжолова Д. А., Дроздов К. В., Красовицкая Т. Ю., Тихонов В. В. М.: Новый Хронограф, 2021. 575 с.

Советское Закарпатье. Справочник / отв. ред. В. А. Повх. Ужгород: Закарпат. обл. изд., 1957. 248 с.

Троцкий Л. Демократические крепостники и независимость Украины // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 79–80. New York. 1939, август — сентябрь — октябрь.

Троцкий Л. Независимость Украины и сектантская путаница // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 79–80. New York. 1939, август — сентябрь — октябрь.

Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1910. XIV, 824 с.

Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза / авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.

Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. М. В. Ходяков. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. 660 с.

Цеткин Клара. Роза Люксембург и русская революция / пер. Г. А. Зуккау. М.; Пг.: Гос. изд., 1924. 234 с.

Ципкин Ю. Н., Орнауцкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: б. и., 2008. 243 с.

Чемакин А. А. Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с.

Чемакин А. А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 — начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.

Шевеленко Ирина. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 333 с.

Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины (XIX — 1 пол. XX вв.). М.: REGNUM, 2011. 410 с.

Шевченко К. Русины и межвоенная Чехословакия: к истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006. 267 с.

Шубин А. В. Украина в 1917–1945 гг. // История Украины. СПб., 2020.

Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. XVII, 496 p.

References

- ‘Novye rechi Stalina o Gruzii, istorii i natsional'nostyakh (1945): Niko Berdzenishvili. Vstrecha so Stalinym’ [‘Stalin’s new speeches about Georgia, history and nationalities (1945): Niko Berdzenishvili. Meeting with Stalin’] (2019), in Kolerov, M.A. (ed.) *Issledovaniya po istorii russkoi mysli [15]. Ezhegodnik za 2019 god [Studies in the history of Russian thought [15]. Yearbook 2019]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 491–525.
- Amanzholova, D.A. et al. (2021) *Sovetskii natsional'nyi proekt v 1920–1940-e gody: ideologiya i praktika [Soviet National Project in the 1920s–1940s: Ideology and Practice]*. Moscow: Novyi Khronograf.
- Anikeev, A.S. (ed.) (2020) *Moskva i Vostochnaya Evropa: Natsional'nye modeli sotsializma v stranakh regiona (1950–1970-e gg.). Formirovanie, osobennosti, sovremennye otsenki: sbornik statei [Moscow and Eastern Europe: National models of socialism in the countries of the region (1950–1970s). Formation, features, modern assessments: a collection of articles]*. Moscow; St. Petersburg: Institut slavyanovedeniya RAN; Nestor-Istoriya.
- Avtorkhanov, A. (1990) *Imperiya Kremlya. Sovetskii tip kolonializma [Kremlin Empire. Soviet type of colonialism]*. Vil'nyus: IMO: INPA.
- Bauer, O. (2015) *Natsional'nyi vopros i sotsial-demokratiya [National Question and Social Democracy]*. Transl. by M.S. Panin. 2nd edn. Moscow: LENAND.
- Bezsonov, S.V. (1946) *Arkhitektura Zapadnoi Ukrainy [Architecture of the Western Ukraine]*. Moscow: Izd-vo Akademii arkhitektury SSSR.
- Borisenok, E.Yu. (ed.) (2012) *Russkie ob Ukraine i ukrainskakh. Sbornik [Russians about Ukraine and Ukrainians. Collection]*. St. Petersburg: Aleteiya.
- Chemakin, A.A. (2018) *Istoki russkoi natsional-demokratii: 1896–1914 gody [The origins of Russian national democracy: 1896–1914]*. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Chemakin, A.A. (2018) *Russkie natsional-demokraty v epokhu potryaseniya: 1914 — nachalo 1920-kh godov [Russian national democrats in an era of upheavals: 1914 — early 1920s]*. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Danish, Miroslav (2006) ‘Slovaki i Rossiya. Politicheskie kontseptsii i plany v 1900–1917 gg.’ [‘Slovaks and Russia. Political concepts and plans in 1900–1917’], in *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii. T. III: Slovaki i Rossiya: politicheskie kontseptsii i plany v 1900–1917 gg. [Russian collection: research on the history of Russia. Vol. III: Slovaks and Russia: Political Concepts and Plans in 1900–1917]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 38–107.
- Datsyuk, B.A. (1947) *Moskva — svetoch slavyanstva [Moscow is the beacon of the Slavs]*. Moscow: Moskovskii rabochii.
- Drozdov, K.S. (2016) *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 gg. [Ukrainization policy in the Central Black Earth region, 1923–1933]*. Moscow; St. Petersburg.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Kadio, Zhyul'et (2010) *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1860–1940* [*Empire Laboratory: Russia/USSR, 1860–1940*]. Transl. from the French by E. Kustova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kastelyanskiy, A.I. (ed.) (1910) *Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya* [*Forms of the national movement in modern states: Austria-Hungary. Russia. Germany*]. St. Petersburg: Tip. t-va «Obshchestv. Pol'za».

Khirsh, F. (2022) *Imperiya natsii. Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuzo* [*Empire of Nations. Ethnographic knowledge and the formation of the Soviet Union*]. Authorised transl. from the Engl. by R. Ibatullina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Khodyakov, M.V. (ed.) (2021) *Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917)* [*Center and regions: the economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)*]. 2nd edn. St. Petersburg: St.-Peterb. un-ta Publ.

Kolerov, M.A. (2002) *Sbornik «Problemy idealizma» (1902): istoriya i kontekst* [*Collection Problems of Idealism (1902): history and context*]. Moscow: Tri kvadrata.

Kolerov, M.A. (2016) 'Mart 1918: Sovetskaya Rossiya uchitsya zhit' bez Donbassa: K istorii «ugrozy s Zapada» i «vtorogo industrial'nogo tsentra» v stalinskoj perspektive' ['March 1918: Soviet Russia Learns to Live Without the Donbass: Towards the History of the "Threat from the West" and the "Second Industrial Center" in Stalin's Perspective'], in *Istoriki-slavisty MGU. Kniga 11: Mnogolikii i bespokoinyi slavyanskii mir. Nauchnyi sbornik v chest' 50-letiya Yu.A. Borisenka* [*Historians-Slavists of Moscow State University. Book 11: The many-faced and restless Slavic world. Scientific collection in honor of the 50th anniversary of Yu.A. Borisonok*]. Moscow: Izdatel' Stepanenko, pp. 408–424.

Kolerov, M.A. (2017) '«Natsional'nye problemy» (1915). Rospis' sodержaniya' [“National Problems” (1915). Content painting'], in Kolerov, M.A. *Ot marksizma k idealizmu i tserkvi (1897–1927): Issledovaniya, materialy, ukazateli* [*From Marxism to Idealism and the Church (1897–1927): Studies, Materials, Indexes*]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii», pp. 291–294.

Kolerov, M.A. (2017) '«Problemy Velikoi Rossii» (Moskva, 1916). Rospis' sodержaniya' [“Problems of Great Russia” (Moscow, 1916). Content painting'], in Kolerov, M.A. *Ot marksizma k idealizmu i tserkvi (1897–1927): Issledovaniya, materialy, ukazateli* [*From Marxism to Idealism and the Church (1897–1927): Studies, Materials, Indexes*]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii», pp. 295–300.

Kolerov, M.A. (2017) 'Anti-Anshlyus: «natsional'nye gosudarstva» SSSR protiv Pol'shi (1920–1940-e gg.)' ['Anti-Anschluss: “Nation States” of the USSR against Poland

(1920–1940s)’, in Polunov, A.Yu. (ed.) *Rossiya i slavyanskii mir v voynakh i konfliktakh XIX–XXI vekov. Sbornik statei [Russia and the Slavic World in Wars and Conflicts of the 19th–21st Centuries]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 179–208.

Kolerov, M.A. (2017) ‘Etnichnost’ kak instrument: Litva v fokuse demograficheskoi bor’by XIX–XX vekov’ [‘Ethnicity as a Tool: Lithuania in the Focus of Demographic Struggle in the 19th–20th Centuries’], in Kolerov, M.A. *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 554–602.

Kolerov, M.A. (2017) ‘Fikhte, List, Vitte, Stalin: izolirovannoe gosudarstvo, protektsionizm, pervonachal’noe sotsialisticheskoe nakoplenie i «sotsializm v odnoi strane»’ [‘Fichte, List, Witte, Stalin: the isolated state, protectionism, primitive socialist accumulation and “socialism in one country”’], in Kolerov, M.A. *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 109–311.

Kolerov, M.A. (2017) ‘Istoricheskaya semantika «Otechestvennoi voiny»: mezhdubshchenatsional’nym i etnicheskim/partiinym (1812–1914 — 1918–1941)’ [‘Historical semantics of the “Patriotic War”: between the national and the ethnic/party (1812–1914 — 1918–1941)’], in Kolerov, M.A. *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]*. Moscow: Modest Kolerov, pp. 472–553.

Kolerov, M.A. (2017) ‘Sotsialisticheskii konsensus v Rossii na rubezhe 1905 goda: tezisy k novoi istorii’ [‘Socialist Consensus in Russia at the Turn of 1905: Theses for a New History’], in Kolerov, M.A. *Ot marksizma k idealizmu i tserkvi (1897–1927): Issledovaniya, materialy, ukazateli [From Marxism to Idealism and the Church (1897–1927): Studies, Materials, Indexes]*. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii», pp. 9–16.

Kolerov, M.A. (2017) *Sotsializm v odnoi strane: izolirovannoe gosudarstvo, protektsionizm i pervonachal’noe sotsialisticheskoe nakoplenie [Socialism in one country: the isolated state, protectionism, and primitive socialist accumulation]*. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii».

Kolerov, M.A. (2017) *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]*. Moscow: Modest Kolerov.

Kolerov, M.A. (2018) ‘«Ashche ne umret, ne dast ploda»: vlast’ i zhertva Nikolaya Ustryalova’ [‘“If he doesn’t die, he won’t bear fruit”: the power and sacrifice of Nikolai Ustryalov’], in Kolerov, M.A. *Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904–*

1927. *Ocherki i dokumenty [The Archeology of Russian Political Idealism: 1904–1927. Essays and documents]*. Moscow: Common place, pp. 169–227.

Kolerov, M.A. (2018) '«Velikaya Rossiya» i «Blizhnii Vostok» P.B. Struve: britanskiye vdokhnoveniya i razrusheniye Osmanskoy imperii i Avstro-Vengrii (1908–1916). Prilozhenie: Struve Petr. Mezhdunarodnoye polozheniye i mezhdunarodnaya reaktsiya (1908)' ['P.B. Struve's "Great Russia" and the "Middle East": British Inspirations and the Destruction of the Ottoman Empire and Austria-Hungary (1908–1916). Application: Struve, Petr. International Situation and International Reaction (1908)'], in Kolerov, M.A. *Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904–1927. Ocherki i dokumenty [The Archeology of Russian Political Idealism: 1904–1927. Essays and documents]*. Moscow: Common place, pp. 47–78.

Kruglov, V.N. (2018) 'Bol'sheviki i problema territorial'nogo ustroystva RSFSR: ideologiya, diskussii, praktika, rezul'taty (1917–1922 gg.)' ['Bolsheviks and the problem of the territorial structure of the RSFSR: ideology, discussions, practice, results (1917–1922)'], in Petrov, Yu.A. (ed.) *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: vlast' i obshchestvo po obe storony fronta: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 1–3 oktyabrya 2018 g.) [Russia during the Civil War, 1917–1922: power and society on both sides of the front: materials of the International scientific conference (Moscow, October 1–3, 2018)]*. Moscow: [GTSMISIR], pp. 115–120.

Lannik, L.V. (2020) *Posle Rossiyskoy imperii: germanskaya okkupatsiya 1918 goda [After the Russian Empire: German Occupation 1918]*. St. Petersburg: Evraziya.

Lenin, V.I. (1958–1965) *Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]* (55 vols). 5th edn. Moscow: Gospolitizdat.

Leskinen, M.V. (2016) *Velikoross/velikoros. Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX [Velikoross/velikoros. From the history of the construction of ethnicity. 19th Century]*. Moscow: Indrik.

Levkin, G.G. (2018) *Administrativno-territorial'noye ustroystvo Dal'ne-Vostochnoy respubliki (1920–1922 gg.) [Administrative-territorial structure of the Far Eastern Republic (1920–1922)]*. Khabarovsk: No Press.

Lyuksemburg, Roza (1924) *Krizis sotsial-demokratii. S prilozheniem stat'i N. Lenina. Predislovie Klary Tsetkin [The Crisis of Social Democracy. With an article by N. Lenin. Foreword by Clara Zetkin]*. Moscow: Krasnaya nov'.

Martin, T. (2011) *Imperiya «polozhitel'noi deyatelnosti». Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939 [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939]*. Transl. from the Engl. by O.R. Shchelokova. Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina».

Martin, Terry (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell University Press.

Mikhutina, I. (2007) *Ukrainskii Brestskii mir [The Ukrainian Brest Peace]*. Moscow: «Evropa» Publ.

Natsional'nyi vopros v Rossii (1900–1917). Annotirovannyi ukazatel' knig, statei i publikatsii v zhurnalakh [The national question in Russia (1900–1917). Annotated index of books, articles and journal publications] (1995) Comp. by I.G. Gal'perina et al. Moscow: RGB.

Natsionalizm. Polemika 1909–1917. Sbornik statei [Nationalism. Controversy 1909–1917. Collection of articles] (2015) Comp. by M.A. Kolerov. 2nd edn. Moscow: Modest Kolerov.

Neru, Dzhavakharlal (1955) *Otkrytie Indii [The Discovery of India]*. Transl. from the Engl. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

Povkh, V.A. (ed.) (1957) *Sovetskoe Zakarpat'e. Spravochnik [Soviet Transcarpathia. Directory]*. Uzhgorod: Zakarpat. obl. Publ.

Sablin, I. (2020) *Dal'nevostochnaya respublika: ot idei do likvidatsii [Far Eastern Republic: from idea to liquidation]*. Transl. from the Engl. by A. Tereshchenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Sanborn, Dzhoshua (2021) *Velikaya voina i dekolonizatsiya Rossiiskoi imperii [The Great War and the decolonization of the Russian Empire]*. Transl. from the Engl. by Ol'ga Pobortseva. St. Petersburg: Bibliorossika; Boston: Academic Studies Press.

Shevchenko, K. (2006) *Rusiny i mezhvoennaya Chekhoslovakiya: k istorii etnokul'turnoi inzhenerii [Rusyns and interwar Czechoslovakia: on the history of ethno-cultural engineering]*. Moscow: Modest Kolerov.

Shevchenko, K.V. (2011) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny (XIX — 1 pol. XX vv.) [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusyns (19 — 1st half of the 20 Centuries)]*. Moscow: REGNUM.

Shevelenko, Irina (2017) *Modernizm kak arkhaizm: natsionalizm i poiski modernistskoi estetiki v Rossii [Modernism as archaism: nationalism and the search for modernist aesthetics in Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Shubin, A.V. (2020) 'Ukraina v 1917–1945 gg.' ['Ukraine in 1917–1945'], in *Istoriya Ukrainy [The History of Ukraine]*. St. Petersburg.

Slezkin, Yurii (2001) 'SSSR kak kommunal'naya kvartira, ili Kakim obrazom sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchryalo etnicheskuyu obosoblennost' ['The USSR as a Communal Apartment, or How the Socialist State Encouraged Ethnic Isolation'], in *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiya [American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Soviet period: Anthology]*. Comp. by M. Devid-Foks. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», pp. 329–374.

Tarasov, K.A. (ed.) (2020) *Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny. Sbornik statei [Cultures of patriotism during the First World War. A collection of ar-*

tics]. Comp. and preface by B.I. Kolonitskiy. St. Petersburg: Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge.

Trotskii, L. (1939) 'Demokraticheskie krepostniki i nezavisimost' Ukrainy' ['Democratic serf-owners and the independence of Ukraine'], *Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [*Bulletin of the opposition (Bolshevik-Leninists)*], 79–80, New York, Aug. — Sep. — Oct.

Trotskii, L. (1939) 'Nezavisimost' Ukrainy i sektantskaya putanitsa' ['Ukrainian independence and sectarian confusion'], *Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [*Bulletin of the opposition (Bolshevik-Leninists)*], 79–80, New York, Aug. — Sep. — Oct.

Tsetkin, Klara (1924) *Roza Lyuksemburg i russkaya revolyutsiya* [*Rosa Luxemburg and the Russian Revolution*]. Transl. by G.A. Zukkau. Moscow; Petrograd: Gos. Publ.

Tsipkin, Yu.N., Ornatskaya, T.A. (2008) *Vneshnyaya politika Dal'nevostochnoi respubliki (1920–1922 gg.)* [*Foreign policy of the Far Eastern Republic (1920–1922)*]. Khabarovsk: No Press.

Tuchkov, I.I., Belousov, L.S. (eds) (2019) *Pereezd sovetskogo pravitel'stva v Moskvu. K 100-letiyu vozvrashcheniya stolitsy v Pervoprestol'nyu: sbornik nauchnykh statei* [*The relocation of the Soviet government to Moscow. To the 100th anniversary of the return of the capital to the Mother See: a collection of scientific articles*]. St. Petersburg: Aleteiya.

Vyshinskii, A.Ya. (1936) *Gosudarstvennoe ustroistvo SSSR* [*State structure of the USSR*]. [Moscow]: Sovetskoe zakonodatel'stvo.

Информация об авторе: М. А. Колеров — кандидат исторических наук, начальник отдела изучения и публикации документов Государственного архива РФ, главный редактор информационного агентства REGNUM. Адрес: Российская Федерация, 119072, Москва, Берсеневский пер., д. 2, стр. 1.

Information about the author: M. A. Kolerov — PhD in History, Head of the Department for the Study and Publication of Documents of the State Archive of the Russian Federation, Editor-in-Chief of the REGNUM News Agency. Address: 1 2 Bersenevsky Lane, Moscow, 119072, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 25.07.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.